

В КОЛОНИИ СТРОГОГО РЕЖИМА

Началась вся эта история 12 января 2005 года, когда в своём почтовом ящике мы с Давидом обнаружили вот такое письмо: «Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам заключённый саратовской уголовно-исполнительной системы. Совершенно случайно ко мне в руки попала книга «Чужая жизнь» Н.М.Кравченко. До глубины души тронут прочитанными стихами, так как нахожу очень много схожего со своей личной жизнью. Более того, почти каждое стихотворение можно отнести к тому или иному фрагменту моей жизни. Поражён глубиной сострадания, душевной болью, переживаниями о несостоявшейся любви, выраженных в написанном. Читаю эти стихи по нескольку раз, и что удивительно – читаю с огромным удовольствием, – с каждым разом находя в ней новые трепетные моменты. Многих из моего окружения заинтересовала эта книга, каждый находит в этих стихах что-то схожее со своим. Вы можете приблизительно представить себе, что для нас, з/к, эта литература, если своё драгоценное время, сжатое до минимума время нашего досуга, мы проводим за чтением этих стихов. К огромному сожалению, нет возможности выразить слова признательности лично Н.М. Кравченко, поэтому просим это сделать вашу редакцию за нас.

Книга «Чужая жизнь» лишь десятая из книг Кравченко, а нам бы очень хотелось иметь в нашей отрядной библиотеке и другие её книги. Если вам не составит труда и финансовых потерь, просим вас

пополнить наши книжные полки сборниками стихов Н.М.Кравченко. Убедительно прошу вас откликнуться на нашу просьбу и помочь разрешить эту проблему. Заранее премного благодарен.

С уважением, Иван Молочко и коллектив з/к 2-й терапии ОТБ-1».

Конечно, я не могла не откликнуться на такое замечательное письмо, лишний раз подтвердившее истину, что дух дышит, где хочет. Собрали с Давидом посылку из моих книг, но тут встал вопрос, как её доставить. По почте – дорого, отвезти лично – далеко. На помощь пришёл В.В.Разенко, преподаватель колонии строгого режима № 10, давний посетитель моих лекций в библиотеке. Он взялся передать книги по назначению. Этим посланием «из мест, не столь отдалённых», были навеяны стихи с эпитафией из И.Анненского: «А если грязь и низость – только мука...».

Мне пишет зэк, что всё находит отклик
в его душе в прочитанных стихах.
И просит он издателя: не мог ли
прислать им книг, погрязнувшим в грехах?

Казалось бы, что общего меж нами?
Не зарекайся – мудрость говорит.
Никто не вправе первым бросить камень.
У каждого в шкафу скелет зарыт.

Мир – камера огромного размера.
Подглядывает Бог в глазок луны.
Он знает: все достойны высшей меры, –
читая наши помыслы и сны.

«Наш коллектив и я, Иван Молочко,
пишу не столь из отдалённых мест...».
Так что в них суть и что лишь оболочка?
Душа взревет, как поглядишь окрест.

«И время драгоценное досуга
мы на стихи затрачиваем все...».
«А если грязь и низость – только мука
по где-то там сияющей красе?»

Передавая посылку Разенко, я дала несколько своих книг заодно и для его колонии. Потом тюремное начальство выделило деньги на закупку моих книг для их библиотеки. Да и сам Разенко (заслуженный учитель РФ) частенько приобретал мои сборники для своих подопечных. Результат превзошёл все ожидания. Зэки, начитавшись стихов, настолько прониклись ими, что решили устроить вечер по моему творчеству. Целый год они готовились: репетировали композицию по стихам, писали песни, один даже выучил целую поэму. Пригласили на этот вечер меня, а я взяла с собой Давида и Светлану Лебедеву, автора и исполнительницу песен на мои стихи.

У входа в колонию нас встречали любовно выписанные заключёнными, разрисованные розами плакаты с приветствием и цитатами из моего стихотворения «Рецепт», где говорилось, «как выжить нам и видеть мир как прежде». Вечер проходил в школе колонии. Я сидела «в президиуме», как почётная гостья, и слушала концерт по своим собственным произведениям в исполнении зэков.

Они читали стихи, выбранные ими по своему вкусу, и довольно интересно мотивировали свой выбор. Михаил Прожелуцкий 20 минут читал наизусть – ни разу не сбившись! – «Монолог Людмилы Дербиной, невенчанной жены Николая Рубцова» под гитарный аккомпанемент з/к Валерия Карпова, бывшего артиста Краснознамённого ансамбля имени Александрова. Тот же Карпов исполнил песню на мои стихи «Люди с хорошими лицами...». Эти слова с

продолжением: «люди с такими лицами не совершат дурного» в исполнении рецидивистов вызывали невольную улыбку. Но хотелось верить, что это именно так. Потом местный бард исполнил для меня песню «Я к тебе не подойду», а тюремный поэт А.Штро читал свои стихи.

Затем настала моя очередь. Я, взяв на вооружение опыт Есенина, выступавшего среди бандитов со своей «Москвой кабацкой» и потерпевшего там с этим репертуаром полное фиаско, старалась читать им не резкие и эпатажные вещи, а тихую душевную лирику. «Мои» зэки в этом отношении мало чем отличались от есенинских. Они достаточно повидали грязи на своём веку, и «крутизной» их было не удивить, им хотелось чего-то «для души», о вечных ценностях жизни. Я читала «Чучело», «Копилку», «Саратову», стихи о маме, Светлана пела «Колыбельную», «Воробышка», «Школьную контрольную». Особенно их тронули стихи о вине:

Я знаю, истина в вине.
Не в том, что плещется на дне –
в неискупаемой, нетленной.
Она лежит на дне души.
Ей тяжело дышится в тиши.
Она одна во всей вселенной.

...Вина даётся нам сполна.
Её не вычерпать до дна.
И каждый день мой ею мечен.
Я от неё не излечусь.
Я с ней вовек не расплачусь.
Хотя платить уж больше нечем.

Я знаю истину: она
для понимания трудна,
пока не бьёшься в исступленье.
Я знаю, что такое Бог.
Бог – это боль, что он исторг.
И – искупленье, искупленье...

Потом эки задавали вопросы, я отвечала. Впрочем, первый вопрос был обращен к Давиду: «Каково жить с женой-поэтом?» Давид довольно пространно отвечал, развивая эту болезную для него тему. Слушали они, надо сказать, изумительно. Я даже не ожидала встретить здесь такую благодарную аудиторию: они ловили каждое слово, бурно реагировали, смеялись, задумывались. Под впечатлением этого вечера в колонии я тогда написала стихи:

Своей жизни несчастной виновники
и ответчики за грехи,
мне читают стихи уголовники,
и глаза у них так тихи.

Пальцы треплют листок тетрадный
и улыбка – где был оскал.
Словно лица их добрый сказочник
на мгновение расколдовал.

И казалось мне – в той обители,
где суров и насильствен кров,
нет мошенников и грабителей,
нет насильников и воров.

Мы – другие? А вы уверены,
если честно взглянуть назад?
Все нам жизни срока отмерены,
все ответим мы за базар.

Всё – случайности, всё – условности...
Я их слушала, не дыша.
И к презумпции невинности
молчаливо взывала душа.

Это стихотворение позже вошло в мою новую книжку «Острые углы», которую я послала А.Кушнеру, и он отметил его в числе понравившихся: «А какое замечательное стихотворение про уголовников! Я ведь тоже, после окончания факультета, один год преподавал русский язык и литературу в колонии для уголовников под Ленинградом. И тоже был поражён тем, как отверженная душа тянется к стихам!»

А вот один из зэков отреагировал на эти стихи предостережением: «Будьте осторожны в общении с уголовниками, – писал он мне. – Ваше стихотворение, в сущности, ошибка. Хотя мне эта ошибка понравилась». Об этом заключённом мне хотелось бы рассказать поподробнее.

В конце вечера, он, попросив слова, вдруг заявил на весь зал: «Я ожидал сегодня увидеть такую по-о-лную женщину – судя по Вашим стихам, а Вы такая хорошенькая!» (Имея в виду мои строчки: «Жизни нет от полноты», «Перед зеркалом красуюсь» и другие, где я иронизирую над своей начинающей полнеть фигурой. Мне польстил не столько сам комплимент, сколько доскональное знание моих

стихов). Эта его фраза стала, что называется, крылатой. Присутствовавшее там саратовское телевидение в лице Е.Гришиной (ТНТ), до сего времени скучавшей в зале, вдруг оживилось и судорожно начало снимать уже завершавшийся вечер. В свой полутораминутный сюжет по ТВ они включили только эту фразу о моей мнимой полноте и довольный гогот эков, сопроводив его ремаркой: «Заклѳчѳнные старались быть галантными». А то, как меня встречали, как выступали, как слушали, засыпали вопросами, наконец, как мы со Светой Лебедевой исполнили им свою композицию – всё это осталось за кадром, как не стоящее внимания.

Когда я, уже давно привыкшая к пошлости нашего телевидения, всё же спросила Гришину: «Что же вы Лебедеву не показали, хотя бы мельком?», она ответила: «Это не входило в наши задачи». Им главное – чтобы прикольно. Пытались брать у меня интервью, но, убедившись, что на тюремную тематику я не пишу и на вопросы типа: «что Вас привело сюда?» отвечаю не так, как им бы хотелось, потеряли ко мне всякий интерес. Расспрашивали, в основном, местного поэта Штро, снимали его в фас и в профиль под портретами классиков, записывали его стихи, которые по ТВ и звучали. Мои в эту канву не вписывались. Ничего хорошего от этого сюжета не ожидая, я даже никому не сообщила из знакомых, чтобы его смотрели.

Но потом я вспомнила, что что-то всё же урывками они снимали, мне захотелось оставить на память хоть несколько кадров, и я позвонила Гришиной с просьбой переписать мне на плѳнку весь отснятый материал.

– Сюжет? – оживлѳнно спросила она.

– Нет. Ваш сюжет никому не нужен, смотрите его сами. Меня интересует всё, что не вошло в передачу.

Оказалось, что они наснимали всего на 15 минут. За переписывание этого кусочка Гришина потребовала с меня 200 рублей. Деловая барышня.

Дома я включила видик и ещё раз с удовольствием просмотрела фрагменты вечера. Разглядела внимательно того, кто сделал мне комплимент. Он был пожилой, где-то под шестьдесят. Одет гораздо хуже, беднее своих сокамерников. Но что-то во всѳм его облике было такое, что наводило на мысль о случайности его нахождения там. На плѳнке был запѳчатлѳн момент, когда Гришина пыталась его в коридоре после вечера: «Скажите, – шѳпотом, чтобы не слышно было её

вопроса, но микрофон его всё же уловил, – а Вы её не такой, кажется, себе представляли? Какой же?» – Как ей, бедной, хотелось снова услышать что-нибудь этакое про мои формы, чтобы оживить свой заплесневевший эфир! Увы. Долинин – тут я узнала его имя – Анатолий Леонтьевич Долинин – оказался на высоте. Он стал говорить о моих стихах, цитировать их. А это Гришиной, как мы уже знаем, неинтересно. У неё другие задачи.

– А что Вы там за записку ей передали? – продолжала свой закулисный допрос корреспондентка. (Я забыла сказать: Долинин тогда подошёл ко мне и протянул листок, объявив во всеуслышание: «Это моё признание Вам в любви!»).

– Это объяснение... в любви, да. Но в любви к её творчеству.

Гришина разочарованно оставляет Долинина. Потом та же безуспешная попытка «расколоть» Штро.

– Какие у Вас впечатления от вечера, от ведущей?

– Я был потрясён. Какие стихи! Я поражён силой её интеллекта и слога...

Гришина раздражённо меняет тему разговора. Ну и так далее. Надо ли говорить, что все эти оценки и впечатления, не говоря уже о каком-то журналистском комментарии, в эфир не попали. Дома я не без опаски развернула пресловутое «Признание в любви»:

«Уважаемая Наталья Максимовна! Я недавно познакомился с Вашим творчеством и очень рад, что у нас такой хороший поэт. Я с детства люблю стихи и сам немного балуюсь, поэтому хочу выразить своё отношение стихом:

Будоражат стихи Ваши,
будят совесть и стыд.
Словно чищу свою душу
тёркой строк и страниц.

Спасибо Вам за стихи. В моём лице у Вас ещё один горячий поклонник. Выйду, куплю Ваши книги. Они как будто для меня написаны. Как бы мне хотелось пообщаться с Вами не в заорганизованном мероприятии, а наедине. Душа просит человеческого общения. Увы.

Н.М., я мало знаю о Вас, но по стихам хорошо Вас чувствую и понимаю. Добивайтесь участия в работе общественных организаций: правозащитных, по помилованию и т.п. На людей нравственных

острый дефицит, а в обществе столько зла. Здесь же оно сконцентрировано. Столько доносительства, лицемерия, уголовных «понятий», лжи, подлости, издевательства. Людям с моральными принципами тут особенно трудно. Сюда бы Вам направить свой талант, но ведь для этого надо «сесть».

Я оценила и юмор, и внимание к моему творчеству, и почтительную корректность и ответила Долинину тёплым ободряющим письмом. Ответ не заставил себя ждать: «Здравствуйте, Наталья Максимовна! Ваше письмо для меня как праздник. Рад, что Вам понравилось у нас. Встреча понравилась всем, все уходили просветлённые, но число участников могло быть много больше, если бы она проводилась в клубе. Многие, кто желал прийти, не вошли в список. Мой товарищ по заключению Авдеев Валерий проживает напротив вашего дома и где-то там выгуливал собачку, он так хотел попасть на встречу, но не мог. Надеюсь попасть, выучил четыре Ваши стихотворения по своему вкусу. Одно из них: «Двенадцать лет ношу тебя в себе...» он послал в письме своей невесте (скоро они зарегистрируются в зоне). Она в телефонном разговоре (сейчас зэки могут свободно звонить кому хотят по платной карточке) благодарила его за прекрасные стихи.

Что касается телепередачи, то мы её не видели, но я знаю, как могут эти ребята выхолостить суть и выделить второстепенное, побочное. Но зато я стал телезвездой! 6-го апреля пошёл получать посылку из Романовки (от друга), а раздатчица (мент) спрашивает: «Это тебя показывали по ТВ на встрече с поэтом Кравченко? Молодец, – говорит, – хорошо выступил». И выдала мне посылку без очереди. И вложенную записку отдала. Обычно вложенные письма передают на цензурную проверку. Так что, Н.М., встреча с Вами доставила мне не только эстетическое наслаждение, но и практическое. Однако, это маленькая ложка мёда в бочке дёгтя. Я переношу заключение тяжело, хуже, чем другие. И дело не в том, что я изнеженный или малодушный. Дело вот в чём.

Благополучие зэка зависит в основном от его взаимоотношений с активом. Активисты – это осуждённые, которые сотрудничают с администрацией зоны и обеспечивают выполнение режимных требований. Понятно, что они пользуются поддержкой администрации, а завхозы ещё и деньги получают (небольшие, конечно). Так вот, большая часть этих активистов – подленькие типы, которые

могут серьёзно отравить жизнь тому, кто не поддаётся вымогательству, не желает их подкармливать: делиться содержимым посылок, передач и т.д. Я из этих упрямцев, с вытекающими последствиями.

Там, где начальник отряда нормальный, козлы (так называют активистов зэки) особо не наглеют. Нам не повезло с начальником, он безоговорочно на стороне козлов, и мне приходится туго. Всё бы ничего, но он мне заявил, что моё условно-досрочное освобождение (УДО) может не состояться. Вот это меня задевает больно. Я с первых дней заключения нацелен на УДО, активно участвую в жизни отряда и колонии, но будь ты хоть И.Христом, всё без толку, если не поладишь с козлами и через них с начальником отряда. Колонии считаются исправительными учреждениями, но таковыми не являются. Скорее наоборот.

Что до судьбы, то хотелось бы объяснить свои беды и ошибки судьбой, но это не так. У меня в феврале 2002 года вор украл зарплату. Я тут же это обнаружил и нанёс ему травму черепа. На следующий день он умер. При чём тут судьба. Типичная житейская ситуация с трагическим финалом. Досадно и горько. Нет, Н.М., обстоятельства, случай в жизни порой играют большую роль, но в основном мы сами делаем свою судьбу. «Не судьба меня кормила...» – пел Высоцкий.

Ох, извините, Н.М., у меня получается жалоба. Всё не так уж безрадостно и подтверждением этому наша встреча и Ваше письмо. Вы своим интересным письмом помогли мне. Пока писал Вам, отдохнул душой. До свидания, Наталья Максимовна. Если у Вас есть желание развить знакомство, то буду очень рад. У меня есть небольшие проблемы, но пока я не могу о них говорить. Был бы рад больше узнать о Вашей жизни, вообще и повседневной. Как живут саратовские поэты? Всего доброго. Анатолий Долинин».

Через полгода – ещё одно письмо: поздравление с Новым годом.

«Здравствуйте, Наталья Максимовна. Решил написать Вам и поздравить с Новым годом. Я часто о Вас вспоминаю, о творческом вечере. Хорошо бы ещё раз так: послушать стихи, песни.

Я 23 ноября подал ходатайство об условно-досрочном освобождении. Надеюсь, к весне суд по УДО состоится, но в положительном решении не уверен. Вообще процедура УДО допускает злоупотребления, закон плохо отработан. Я писал об этом в Гос.Думу,

но получил отписку. Наверное, депутаты посмеялись над зэком, предлагающим проработать процедуру УДО. А жаль. Большинство людей сидят по стечению обстоятельств, как я, а не по преступному умыслу. Таких надо освобождать по УДО, ведь на содержание зэка идут большие деньги. Но нет, именно по этой причине ведомствам (зонам) выгодно тормозить УДО, что они и делают. Чем больше людей сидят, тем лучше для колонии.

Зачем я всё это пишу? Понимаю, что Вам это вряд ли интересно, но «у кого чего болит, тот о том и говорит». В этом людском муравейнике я чувствую одиночество и психологический дискомфорт. Это парадокс, что почти не с кем поговорить, а людей полно. Вот и пишу Вам, потому что почувствовал родственную душу. И знаете, Н.М., пишу вот и на душе легче, пусть даже и без ответа.

А вообще не всё так мрачно. Месяц назад у нас была премьера спектакля «Семейный портрет с посторонним» С.Лобозерова в театральном конкурсе между исправительными учреждениями Саратовской области. Было телевидение и газетчики. Мы сыграли неплохо, но результат конкурса ещё не объявили. Мне дали газету «РеЗОНАнс», где есть статья о нашем спектакле с фотопечатью (два снимка). Я там играл главу семьи. Послал сестрам (в Калугу и Н.Новгород) по одному снимку. Это редкие приятные моменты, а в основном тягомотина.

На работу не устроишься: молодым мест не хватает. Изучаю

английский язык и небезуспешно: прочитал две книжки на английском языке: «Алиса в стране чудес» и «Собака Баскервилей». Взялся было переводить «Пигмалион» Б. Шоу, но отложил, трудный текст. Сейчас повторно изучаю самоучитель и перечитываю «Собаку...», но без особого рвения. Так, чтобы занять себя. Я тренер по шахматам и хотел было здесь написать учебник (поурочный) по шахматной тактике. Но мешает постоянное дёрганье, а работа требует спокойных условий.

Мне тогда не досталась книга с Вашими стихами. Попросил почитать у Миши (ему досталась книга), но он её кому-то отдал. Если Вы откликнитесь на моё письмо, то я прошу прислать 2-3 последних, ещё не опубликованных стихотворения, которые Вам самой наиболее нравятся. И ещё напишите о себе. Как пишется? Бывают ли творческие встречи?

Тогда, весной, Н.М., я Вам писал о том, чтобы Вы пробивались работать в общественные структуры, особенно по правам человека, а ещё лучше в депутаты. Советская система лицемерия, формализма и т.п. доминирует в работе нынешних демократических институтов. Пытаешься достучаться со своей болью, а в ответ отписка или вовсе без ответа. Извините, Н.М., но я опять об УДО. Есть закон об УДО, но он работает плохо, зачастую во вред (я о злоупотреблениях). Обществу и государству наносится большой ущерб, гораздо более существенный, чем, скажем, рухнувший мост, пожар и т.п. Но никуда не достучишься. Вспоминаю тульского левшу, который бился, доказывая, что нельзя ружья песком чистить. Так и умер в отчаянии. И тут сотни тысяч людей страдают, обществу наносится урон, а государственные институты даже не реагируют на сигналы бедствия. Чего же стоит наша демократия (власть народа!), если люди не могут со своими бедами или предложениями никуда достучаться.

А всё потому, что во власть проходят прощелыги, бюрократы, а интеллигенция бездействует. Я тогда Вас слушал и радовался, как просто, доступно Вы отвечали на вопросы, чувствовалась эрудиция. Вытеснять надо бездарей и мздоимцев с насиженных мест, иначе задушим демократическое движение.

Боюсь, у меня получилась какая-то политическая статья, а не душевное письмо, как бы хотелось. Наталья Максимовна, поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья, благополучия, творческих успехов, радостного настроения, семейного счастья,

взаимопонимания и любви. Если будет возможность, приезжайте к нам снова.

P.S. Н.М., если обрадуете меня ответом, то прошу вложить в конверт стержень для ручки, а то здесь не достанешь. И ещё штук 6 марок почтовых по 10 коп».

Я ответила, передала ему в колонию всё, что он просил: марки, стержни и – свою новую книжку «Острые углы». Вскоре пришло письмо со знакомым штемпелем: «Здравствуйте, Наталия Максимовна. Сегодня получил Ваше спасительное письмо. Я, Н.М., обычно стараюсь избегать сильных слов, но Вы меня спасаете в прямом смысле. У меня тут случились очень большие неприятности. Ваш подарок и письмо оживили меня, а то прямо сплошной негатив. Однако самое тяжёлое уже позади, и я не буду об этом. Скажу лишь, что УДО мне уже не светит.

Я в один присест прочитал «Острые углы». До чего же мы с Вами похожи. Всё так близко, больно и приятно. Много звучит как афоризм. Я пометил страницы, которые особенно понравились: 27, 29, 38, 44, 52. А фразы: «Деспоты не любят диспутов», «смертный грех – чегоугодие», «одинок, но не одинак» – это же афоризмы, высокий уровень. Здорово.

А ещё я почувствовал в стихах безрадостность, боль, но и несломленность, надежду. Что касается родства душ наших, то хочу это выразить так:

Я такой же остроугольный,
но страдаю всего больней
оттого, что, делая больно,
зло становится всё сильней.

(Это про мои неприятности). В нашем неустроенном обществе мало любителей поэзии. Не до стихов. Вы, Н.М., с Вашей эрудицией, добротой, трудоспособностью, стойкостью просто необходимы в общественных структурах. А то, что Вы не желаете этого, то приведу слова Сенеки: «Тот, кто тяготится власти, нужен во власти». Главное, Н.М., гражданская позиция, а поэзия потом. «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». Лично мне просто обидно и досадно, что человек с такой эрудицией, мастер слова, не реализует свои возможности на пользу людям.

В заключение просьба. Так уж получается, что только к Вам я

могу обратиться, хотя и сознаю Вашу загруженность работой. Прошу о коротком свидании. Надо просто приехать и заявить о коротком свидании. Меня тут же вызовут. Много времени это не займет. Надо. Уснуть бы до конца срока – 23.02.09. Тяжело. Всего доброго, Н.М. Успехов Вам и здоровья. С уважением и надеждой Д. Долинин».

Я решила, что это уже слишком. И ответила Долинину, что приехать не смогу, да и не вижу в этом смысла, так как всё равно помочь ему чем-нибудь реальным не имею возможности. «А по поводу власти – мне даже странно, что Вы меня так уговариваете туда идти. Как Вы себе это представляете? Можно подумать, меня там только и ждали. Но что бы там ни было – я должна делать своё дело, ибо «дарование есть поручение». А уж есть ли от этого кому какая польза – судить не мне.

Мне жаль, что у Вас сорвалось с УДО, я понимаю, как трудно Вам приспособиться к этой среде, но уж как-нибудь продержитесь, не так много осталось. У Вас живой ум и здоровая психика, Вы выдержите и забудете потом всё как страшный сон. Будьте здоровы, выносливы, терпеливы. С уважением Наталия Кравченко».

Ответ был сдержанно-раздражённым. Сквозь нарочито смиренные слова сквозили гнев и обида. «Здравствуйте, Наталия Максимовна. Когда я послал Вам письмо с просьбой о свидании, то потом сам себя ругал, так как просьба явно не соответствует степени наших отношений. Поэтому Ваш отказ я принял без обиды, но с досадой. С досадой на всю нашу гнилую интеллигенцию, которая горазда разглагольствовать, но не делать. Один добрый поступок стоит тысячи добрых слов и пожеланий. Что касается власти, то я имею в виду участие в работе общественных и государственных комиссий по правам человека, по помилованию и т.п. Там не надо быть пробивным, а надо быть добрым, умным, опытным человеком. Всё это у Вас есть, но КПД низкий. Это тема не для письма.

Н.М., моё письмо может быть излишне жёсткое (вначале). Я очень требователен в отношениях, но ещё более – к самому себе. Так что не обижайтесь. Зная Вашу загруженность, я не буду донимать Вас письмами. А за Ваши письма и стихи большое спасибо. В моём трудном положении это была поддержка. А трудно мне не потому, что не могу приспособиться к этой среде, а потому что не хочу этого. Приспособиться – значит стать таким же. Это низкое приспособленчество.

До свидания, Наталия Максимовна. Ещё раз поздравляю Вас с праздником 8 марта и желаю всего доброго. Утром этого дня я заварю чай и выпью за благополучие моих добрых знакомых и родных женщин, а значит и за Вас. А потом прочитаю Ваши стихи. Для зэка и это праздник. Всего доброго. Анатолий Леонтьевич».

У меня на душе скребли кошки. Я вспоминала героя «Калины красной», вспоминала Фриду Вигдорову, которая боролась до последнего за спасение осуждённого Бродского. Вспоминала стихи самого Бродского об активной жизненной позиции:

...Он утверждает: цель в покое
и в равновесии души.
А я скажу, что это – вздор.
Пошёл он с этой целью к чёрту!
Когда вблизи кровавят морду,

куда девать спокойный взор?
И даже если не вблизи,
а вдалеке? И даже если
сидишь в тепле в удобном кресле,
а кто-нибудь сидит в грязи?

До меня дошли слухи о «неприятностях» моего корреспондента. Оказывается, он «добровольно перешёл в стан опущенных», не пожелав мириться с дикими зэковскими правилами, не пожелав участвовать в травле большинства самых униженных и

оскорблённых. Не боясь «зашквариться», он открыто общался с теми «прокажёнными», разговаривал с ними, бросив таким образом вызов тюремным порядкам. Он даже пытался бороться с ними – писал жалобы куда-то наверх на местное начальство, отстаивая закон и справедливость. Это было равносильно самоубийству.

Я мучилась, не зная, как помочь человеку, чтобы не попасть при этом в двусмысленное положение. Приходили на память слова Цветаевой: «друг есть действие», Экзюпери: «мы в ответе за тех, кого приручили...» Но писать ему я уже не могла. Его фраза о «разглагольствовании гнилой интеллигенции» обесценивала любые мои слова утешения и поддержки. «Одно доброе дело стоит тысячи добрых слов и пожеланий». Ну что ж... Я-то считала, что слово – это тоже дело, но раз он такой прагматик... Мы сбросились с друзьями и собрали нашему герою огромную посылку килограммов на 20. Передали через знакомых. Я просила, чтобы не говорили, от кого. Мол, материальная помощь. Таким образом, я «откупилась» от своей грызливой совести. Дальнейшая судьба Долинина мне неизвестна.

Вскоре я узнала, что в вечерней школе колонии писали сочинения по моим стихам. Потом мне их передали. Одно из них запомнилось – ещё и из-за редкого имени автора: Александр Артурович Янович, который писал: «Обществу нужна такая поэзия. Это Святой дух, возвращающий желание жить. Сейчас, когда люди озабочены своими личными проблемами, создаётся мнение, что она им не нужна. Большинству. Но это только верхний видимый слой. Он, как броня непробиваемая, детище «индустрии». Наталия Максимовна, подобно военному инженеру-технику, изобрела новый улучшенный броневой снаряд, прожигающий души. Однако это взрывоопасное изобретение».

А позже я получила ещё одно письмо из той колонии, от Михаила Прожелуцкого, исполнителя моей поэмы о Людмиле Дербиной. Письмо было с такими дикими ошибками, что поначалу мне показалось, что это он нарочно, «прикалывается». Но потом поняла, что писал он всерьёз. Содержание письма меня растрогало: «Здравствуйте, Наталья Максимовна! Ваши стихи мне очень пондравились. А больше всего я хочу выделить два стихотворения, это: «Своей жизни несчастной виновники...» и «Серьёзный мальчик, строгий музыкант...». А так я люблю все Ваши стихи. В них я вижу добро, ласку и в конце концов любовь. Одним словом, я вижу всё то,

чего мне в жизни не хватало.

У меня есть две Ваши книжки, которые я читаю каждый день на работе, в отряде, некоторые знаю наизусть. Весной я собираюсь записать в музыкальном сопровождении Ваши стихи на аудиокассету на память. Я бы очень хотел, да и не только я, чтобы Вы выбрали свободную минутку и приехали в наше учреждение, а мы к этому времени бы подготовили для Вас концертную программу.

В сентябре я освобождаюсь из этих мест. И собираюсь поступать на театральный факультет. Просто я решил посвятить всю свою жизнь искусству.

С большим уважением и низким поклоном

Ваш поклонник Прожелуцкий Михаил».

Мне вспомнились свои строчки о «людях с хорошими лицами», слушающих стихи в зале:

...и, повлажнев ресницами,
веровать до смешного:
люди с такими лицами
не совершат дурного.

Может быть, не так уж это и смешно – веровать в это?